

ДОН НИГРО

ПРАЖСКИЕ ТАЙНЫ /
MYSTERIES OF PRAGUE

Дон Нигро Пражские тайны / Mysteries of Prague

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69933091

Аннотация

Восемь актрис и четыре актера (12 женских и 8 мужских ролей). Трагическая история жизни и смерти Франца Кафки, ставшего великим лишь после ухода из этого мира, благодаря его другу Макс Броду, который пошел против последней воли Кафки и сохранил все его рукописи.

Содержание

Действующие лица:	5
Декорация:	6
Действие первое	8
1	8
2	13
3	17
4	22
5	28
6	34
7	40
8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дон Нигро Пражские тайны / Mysteries of Prague

Don Nigro

Mysteries of Prague / 2018

Перевел с английского Виктор Вебер

* * *

*«Поскольку все взаимосвязано, писательство
невозможно».*

Ицхак Лурия.

Действующие лица:

ЛОУВИ/БЛЮМФЕЛЬД/ПОЛЛАК

ФРАУ ЧИССИК/ЭРНА/ФРОЙЛЯЙН ШТЕЙНИЧ

КРОТ/ПАПА/НЕЧТО НАВЕРХУ

КАФКА

МАКС

ДОРА

ФЕЛИЦА

ГРЕТА

ХОЗЯЙКА/МАМА/ПЕВЧАЯ МЫШЬ

ОТТЛА

ЖЮЛИ

МИЛЕНА

Декорация:

Напоминающий кошмарный сон лабиринт Праги, сложенный из фрагментов, но все связано между собой, так что в любое место на сцене можно попасть из любого другого места, воспользовавшись лестницами, окнами и дверьми. Сложный лабиринт вымощенных мостовых, дверных арок, лестниц, интерьеров старых домов, на многих уровнях. Кто угодно может появляться откуда угодно, на любом уровне, в любое время, чтобы посмотреть на действие и исчезнуть снова, или пройти мимо, или остаться, сесть и наблюдать, стать частью картины, что-то сделать, имеющее отношение или нет к происходящему в тот момент, иногда действие это станет понятным только позже. Три стола, маленький справа, за которым пишет КАФКА, большой обеденный, за которым ест семья КАФКИ, и маленький столик слева в кафе, за которым МАКС общается с различными людьми. Есть еще диван, на котором КАФКА и другие могут сидеть или забираться под него, и стул справа на авансцене, на котором МАКС сидит в старости, а другие иной раз могут присесть по ходу спектакля. Таинственный город Прага – мир историй Кафки, он живет в голове КАФКИ, когда тот умирает, и в голове МАКСА, когда тот уже старик.

Музыка – «O Mio Babbino Caro/O mio бамбино каро» из

оперы Пуччини «Джанни Скикки»

Действие первое

1

Еврейский театр Оклахомы

(Темнота. Поют канарейки, потом слышится нарастающая какофония ярмарочной музыки. Когда загорается свет, мы видим КАФКУ который пишет за маленьким столом. По нему проносятся тени карусельных лошадок, мигают разноцветные огни. ЛОУВИ, актер гастролирующего еврейского театра, изображает ярмарочного зазывалу. Он и другие высовываются из окон, дверей, других самых неожиданных мест таинственного города Праги, появляются и исчезают, как тени во сне).

ЛОУВИ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДАМЫ И ГОСПОДА, СОБАКИ, ТАРАКАНЫ, КЛОПЫ, ЖУКИ-НАВОЗНИКИ, ГИГАНТСКИЕ КРОТЫ И ДРУГИЕ ЗЕМЛЕРОЙНЫЕ СУЩЕСТВА ВСЕХ ВИДОВ И РАЗМЕРОВ, НА ВЕЛИЧАЙШЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ ОБОЗРИМОЙ ВСЕЛЕННОЙ И ОКРЕСНОСТЕЙ ДЮССЕЛЬДОРФА: В ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР ОКЛАХОМЫ! (ФРАУ ЧИССИК выдумает на трубе непристойный звук). БЛАГОДАРИЮ ВАС,

ФРАУ ЧИССИК. *(Тот же звук)*. ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ. ДАЖЕ ЛЮДИ, КОТОРЫХ НЕ ПРИГЛАШАЮТ. ПРИСОЕДИНИТЕСЬ К НАМ ДО ПОЛУНОЧИ И ПОЛУЧИТЕ БЕСПЛАТНЫЙ ПАКЕТ НЕЖДАНЫХ СОЖАЛЕНИЙ. ЗДЕСЬ, В ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ ОКЛАХОМЫ, МЫ – ВЕЛИКИЕ, КАК ВСЕЛЕННАЯ, ТОЛЬКО ПАХНЕМ ЛУЧШЕ, И У НАС ЕСТЬ РОЛИ ДЛЯ ВСЕХ, ВСЕ ИГРАЮТ, ВСЕ ПОБЕДИТЕЛИ В ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ ОКЛАХОМЫ. ТАК ЧТО ПОСПЕШИТЕ В ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР ОКЛАХОМЫ. ВЫ ПОРАДУЕТЕСЬ ТОМУ, ЧТО ПОСПЕШИЛИ, ПУСТЬ ДАЖЕ И ПОСЛЕ ТОГО, КАК УМРЕТЕ.

(Долгий паровозный гудок. Странная какофония смолкает, мигающие огни гаснут, на сцену выползает ГИГАНТСКИЙ КРОТ).

ФРАУ ЧИССИК. Прекрасная пьеса. Очень романтическая. Верблюд плюет на тебя.

ЛОУВИ. И сказал Бог: «Да будет свет». Вот кто-то и включил свет.

(Яркий свет падает на КАФКУ, который пишет за столом. Вверху раздаются громкие удары, слышится звук катящегося тяжелого шара).

КАФКА. На улице Алхимиков в Праге все постоянно меняется и все записано шифром. Люди – что надписи, выбитые на надгробиях, каждый – глава в романе, который сжигает Бог, страницу за страницей.

(Еще один круг света, как от уличного фонаря появляет-

ся на другой стороне сцены, и мы видим МАКСА, старика, сидящего на стуле в Израиле).

МАКС. Впервые я встретился с моим другом Кафкой, когда он пришел на мою лекцию о Шопенгауэре. Все, что вы рассказали о Шопенгауэре, сказал Кафка, очень интересно, но полная чушь, а потом он сказал, что мне следовало говорить, и даже когда я его совершенно не понимал, это было более интересно чем то, что я мог бы сказать сам.

(ДОРА пересекает круг света, спешит домой в холодную, ветреную ночь, кутается в пальто, несет штук двадцать старых блокнотов).

ДОРА. Это лихорадка. Он бредит.

КАФКА. Все смешалось в моей голове. Все обрывками. Все незакончено.

ДОРА *(обращаясь к МАКСУ, на ходу)*. Вы, вероятно, будете счастливы, когда он умрет. *(Уходит в темноту)*.

МАКС. Он называл свое писательство бумагомаранием, и никак не мог поверить в себя.

КАФКА. Человек пишет книгу. Одиннадцать экземпляров продается. Десять купил он сам. Ночами ему не дает спать вопрос: что произошло с одиннадцатым экземпляром? Кто его купил? Или его украли в магазине? Удосужился ли вор прочитать книгу? А может одиннадцатый проданный экземпляр – ошибка учета? Или галлюцинация умирающего человека?

МАКС. И все-таки он воспринимал писательство формой

МОЛИТВЫ, СВЯТЫМ ДЕЯНИЕМ.

ЧТО-ТО НАВЕРХУ (*невидимый голос сверху, странный стрекочущий звук, возможно, большого насекомого*). Ж-Ж-Ж-И-И-И-И-Х-Х-Х! Ж-Ж-Ж-И-И-И-И-Х-Х-Х!

(*Что-то движется по полу наверху, словно перекачивается большой, тяжелый мяч, тикают часы*).

КАФКА. Человек может сойти с ума, сидя в одиночестве ночью в доме, где тишину нарушает только тиканье часов, опьяневший от запаха чернил, которыми пишет. Слова вылетают из него, как выблеванная кровь.

МАКС. Он не оставил официального завещания, лишь листок бумаги, наказав мне сжечь все.

МИЛЕНА (*появляясь в окне, пойманная лучом прожектора*). Не называй меня ребенком. Я – не ребенок.

(*Из темноты доносится плач ребенка*).

ЖЮЛИ. Дай мне ее адрес. Я хочу ей написать. Я хочу видеть письма, которые она писала тебе. (ЖЮЛИ кашляет в носовой платок. Мы видим красные пятна там, где она кашляет). Все нормально. Красный – мой любимый цвет.

(*Исчезает в тених*).

КАФКА. Писать можно только в трансе. Освободившись от сознательных намерений, полностью открывшись телом и душой, и история выходит из тебя, покрытая родовой смазкой.

(ФЕЛИЦА и ГРЕТА идут через круг света, увлеченные разговором).

ФЕЛИЦА. Может, после того, как мы займемся любовью, он не будет таким странным.

ГРЕТА. Нет. Мужчины только становятся еще более странными. И секс убивает любовь, как сапог давит таракана.

ФЕЛИЦА. Я поставила пленку обратной стороной и испортила все снимки.

(ФЕЛИЦА и ГРЕТА уходят в темноту).

МАКС. Этот вопрос по-прежнему не дает мне покоя.

КАФКА. Какие отношения между историей и женщиной, которую человек жаждет?

МИЛЕНА. В любви один должен всегда поедать другого. Я буду ждать в Замке. Я здесь лишь для того, чтобы перевести тебя.

(Уходит в темноту).

МАКС. История заточена в нас, как в темнице, и мы заточены в истории.

ЛОУВИ. Бог – лабиринт историй.

ЖЮЛИ. Бог вырезает приговоры на нашей плоти.

(Слышен детский плач).

ОТТЛА *(в меркнувшем свете)*. Поезд отходит от станции.

(Звук набирающего ход поезда, паровозный гудок, и сцена погружается в темноту, за исключением маленького столика, за которым пишет КАФКА).

«Нечто наверху»

(КАФКА за его столиком, пишет глубокой ночью. Сверху доносятся ужасные грохочущие звуки).

НЕЧТО НАВЕРХУ *(издает звуки, нечто среднее между визгом свиньи и стрекотом насекомого)*. Ж-Ж-Ж-И-И-И-И-Х-Х-Х! Ж-Ж-Ж-И-И-И-И-И-Х-Х-Х! Ж-Ж-Ж-И-И-И-И-И-Х-Х-Х!

КАФКА. Прошу извинить. Есть кто-нибудь наверху? Эй? *(Три громких стука в дверь, шум обрывается. Тишина нарушается только тиканьем часов)*. Кто это?

(Дверь открывается, входит ХОЗЯЙКА ПАНСИОНА, с фонарем, свет от которого полосой ложится на пол).

ХОЗЯЙКА. Что за шум вы тут устраиваете? Всякий раз, когда я начинаю выливать ночные горшки, создается ощущение, что здесь, наверху, кто-то насилует ласок.

КАФКА. Здесь только я, и ласок не насилую. Этот шум идет с чердака. Такое ощущение, будто кто-то катает взад-вперед тяжелый шар.

ХОЗЯЙКА. Нет никого на чердаке. И шаров в моем доме нет с тех пор, как умер мой муж.

КАФКА. Но я слышу этот шум каждую ночь.

ХОЗЯЙКА. Может, это сон?

КАФКА. Не думаю я, что это сон.

ХОЗЯЙКА. С чего такая уверенность? Иногда вы спите, не зная об этом. А может, выпили слишком много шнапса.

КАФКА. Я не пил шнапса.

ХОЗЯЙКА. Может, следовало. Императрица России принимала ванны из шнапса вместе со своим конем и дожила до четырехсот лет.

КАФКА. Может, на чердаке ее конь.

ХОЗЯЙКА. Я бы не поселила коня на чердаке. А если бы ему позвонили по телефону? Ему пришлось бы спускаться вниз по лестнице, а потом подниматься вверх. Я не могу допустить, чтобы на моих постояльцев обрушивался весь этот шум. Плюс, лошадиный навоз. Тут за кошкой не успеваешь убирать.

КАФКА. Ребенком я думал, что Бог живет на чердаке нашего дома.

ХОЗЯЙКА. Не думаю я, что это Бог. В этой части города делать ему нечего. Разве что его брат-близнец, который с рогами. В свое время там жила девушка. Она ела только швейцарский сыр. Говорила, что лучшая его часть – дырки. У нее был младенец, который постоянно плакал, и трещина в голове, через которую внутрь пробралась толика темного мира. Но она давно умерла. Так что, скорее всего, это не она. Что вы делаете здесь, наверху, глубокой ночью? Не думаю я, что вы здесь спите. Что вы делаете в этой комнате? Что-то непристойное?

КАФКА. Я прихожу сюда, чтобы писать.

ХОЗЯЙКА. Писать что?

КАФКА. Не знаю.

ХОЗЯЙКА. Вы не знаете, что пишете?

КАФКА. Обычно, нет.

ХОЗЯЙКА. Почему вы сняли комнату, чтобы писать, если не знаете, что пишете? Это какая-то бессмыслица?

КАФКА. Дома слишком много шума. Мамины канарейки постоянно поют, и люди бегают взад-вперед, перебираются через мою кровать, чтобы попасть в другие спальни. Но теперь, с этими звуками наверху, я не могу сосредоточиться и здесь. Поначалу я думал, это мыши, но для мышей шум слишком громкий, хотя иногда, слушая, как кто-то поет в опере, у меня возникает ощущение, что звуки эти издает мышь.

ХОЗЯЙКА. Мыши оперные арии не поют. Популярные песенки, возможно. (*Слышится козье бляение*). Мне нужно спуститься и подоить козу. А вы, пожалуйста, так не шумите. Я не говорю вам, что делать, но от чердака держитесь подальше, а если я вновь услышу жалобы, будто конь катает там большие шары, обращусь в полицию, чтобы вас арестовали. Мышь, поющая оперные арии. Этот город – фрагмент чьего-то воображения.

(*Уходит*).

КАФКА. На самом деле, поскольку писательство для меня – форма молитвы, можно сказать, что я прихожу сюда мо-

литься. Но все является мне обрывками. Возможно, в незаконченном, фрагментарном, больше правды, не одна концовка, как в доведенном до ума, завершенном. Наши жизни такие же: фрагментарные, неполные, странные. Как мыши, поющие оперные арии.

(Пишет и слышит, как под меркнувший свет ПЕВЧАЯ МЫШЬ поет «О мио бамбино каро», высоким, писклявым голосом, но с чувством).

«Охотник Гракх»

(ДОРА и МАКС. 1924 г. Столик в кафе).

МАКС. Вот я и обхожу всех, кого он знал, пытаюсь собрать как можно больше написанного им, в надежде опубликовать собрание сочинений, и я знаю, что время от времени он оставлял рукописи женщинам, с которыми был... близок. Вам он что-то оставлял? Ну хоть что-то? Хотя бы одну или две странички?

ДОРА. Кое-что оставил, ближе к концу, когда уже знал, что умирает. Думаю, примерно двадцать блокнотов.

МАКС. Двадцать блокнотов? Двадцать блокнотов! Господи. Это невероятно. Обычно тут и нам находятся считанные страницы. Но двадцать блокнотов! Это абсолютное сокровище. Где они? Я должен увидеть их как можно быстрее. Сейчас удобно? Я не хочу вас торопить, но что если с ними что-то случится до того, как вы сможете их мне показать? Обещаю, я буду с ними предельно осторожен. Я лишь хочу скопировать их, чтобы сохранить все, написанное им до того, как оно исчезнет навсегда. Блокноты, письма, журналы, черновые наброски, отрывки, для меня каждый клочок бумаги представляет собой безмерную ценность. Но двадцать блокнотов!

ДОРА. Он велел мне сжечь их.

МАКС. Но он шутил, естественно.

ДОРА. Не показалось мне, что он шутил. Он сжег некоторые свои рукописи в Берлине, чтобы согреться.

МАКС. Но вы не сожгли двадцать блокнотов Кафки? Господи, скажите мне, что вы этого не сделали.

ДОРА. Как я понимаю, вы тоже получили указание сжечь все, что у вас было. Но, похоже, этого не сделали.

МАКС. Разумеется, не сделал. С чего у меня могло возникнуть желание поступать так глупо?

ДОРА. Потому что он попросил вас об этом. И потому что он этого хотел.

МАКС. Он хотел не этого. Откуда вам знать, чего он хотел?

ДОРА. Потому что он сам сказал мне. Дора, сказал он, когда я умру, я хочу, чтобы ты сожгла эти блокноты.

МАКС. Если он что-то однажды вам и сказал, в бредовом состоянии, это не означает, что он действительно этого хотел.

ДОРА. То есть вы думаете, что лучше Кафки знаете, чего он хотел?

МАКС. Я точно знаю лучше, чем вы. Он был моим ближайшим другом.

ДОРА. И где вы были, когда он умирал? Именно я ухаживала за ним. Не вы. Именно я обнимала его, когда он перестал дышать. Не вы. Я была рядом с ним. Вы – нет.

МАКС. Я очень ценю любовь и заботу, которые вы ему дарили, особенно в конце. Я знаю, как много это для него значило. Но к тому времени он уже не знал, что говорит. Он был сам не свой.

ДОРА. Он всегда был самым собой. Не было ни мгновения, когда он был кем-то еще. Я не знаю точно, каким он был, но я любила его и была с ним до самого конца. Вы не имеете права судить о моем поведении.

МАКС. Я и не сужу. Только задаюсь вопросом, а что за друг сжигает работу человека после его смерти?

ДОРА. А какой друг вы, игнорируя его указания?

МАКС. Его лучший друг. Я знал Кафку, как никто, он прекрасно понимал, что не собираюсь я ничего сжигать, и, тем не менее сделал меня исполнителем его завещания. И о чем это вам говорит?

ДОРА. Это говорит мне о его уверенности в том, что, уважая его желания, вы сделаете то, о чем он вас просил. А вы предали его доверие.

МАКС. Он доверял мне в том, что я его предам. Мы говорим о Кафке. Предать его – это единственный способ не предавать.

ДОРА. Вы обманываете себя.

МАКС. Я только пытаюсь спасти то, что осталось от него. А вы совершили ужасное, за что история пригвоздит вас к позорному столбу.

ДОРА. Это вы совершили ужасное. Нарушили его послед-

ную волю ради своих эгоистичных целей.

МАКС. Мы говорим о творческом наследии гения. Вся история литературы двадцатого столетия...

ДОРА. Да плевать мне на литературу двадцатого столетия. Меня заботило только одно – поддержать его жизнь.

МАКС. Он и будет жить в сохраненных нами рукописях.

ДОРА. В рукописях он жить не будет. Он ушел и никогда не вернется, а я любила его самого, а не написанное им.

МАКС. Он и есть то, что он написал. Это все, что от него осталось. Как попытка сохранить произведения гения для грядущих поколений может быть более эгоистичным, чем их сожжение?

ДОРА. Все, что вы стараетесь сделать, это не для него. Это для вас. Вы, вероятно, счастливы, что он умер. Теперь вы полностью его контролируете.

МАКС. Какую мерзость вы сейчас сказали.

ДОРА. Многие мерзости – правда.

МАКС. Он не мог действительно хотеть уничтожения написанного им. Если бы вы любили его, то понимали бы это.

ДОРА. Вы не понимали его при жизни, не понимаете и теперь. И никогда не поймете.

МАКС. Я знаю только одно: невосполнимая часть великого писателя и моего друга, которого я любил, из-за вас безвозвратно утеряна. Позор вам. Вы – глупая женщина. Вы глупая, глупая женщина.

ДОРА. Никакой это не позор, сделать то, о чем тебя про-

сят.

МАКС. Да. Национальный девиз Германии. Будет неплохо выглядеть на вашем надгробии.

(ДОРА встает и выплескивает содержимое бокала в лицо МАКСА. Поворачивается и уходит. Пока МАКС вытирает лицо, появляется КАФКА, садится за столик).

4

«Голодарь»

(КАФКА и МАКС в кафе, несколькими годами раньше).

КАФКА. И как твоя любовная жизнь, Макс?

МАКС. У меня нет любовной жизни. У меня есть половая жизнь. И это печалит.

КАФКА. Печалит в той же степени, что и отсутствие половой жизни?

МАКС. Да. Пожалуй, нет. Позволь подумать над этим.

КАФКА. История отношений мужчины с женщинами – череда трагических фарсов и абсурдных унижений, которые он пытается представлять своими победами. Остальная его жизнь состоит из выбора между неудачными альтернативами. Управлять фабрикой асбеста или выпрыгнуть из окна. И женщины – самая худшая часть его жизни, но при этом и самая лучшая, если не считать писательства, а оно – кошмарный сон, из которого я не могу вырваться, да и не хочу. Самое раздражающее в жизни состоит в том, что она мешает писать.

МАКС. Я знал тебя два года до того, как ты сказал мне, что пишешь. Я так гордился своими жалкими литературными триумфами, мои маленькие победы производили на меня такое огромное впечатление, тогда как ты целыми ночами,

ночь за ночью, писал удивительные тексты и складывал все в ящики стола.

КАФКА. В ящики я складывал не все. Многое сжигал.

МАКС. Я даже представить себе не могу, как ты мог уни-чтожать свою работу. Я понял, что ты гений, когда ты впервые показал мне что-то, написанное тобой.

КАФКА. То, что я показал тебе в момент слабости, было фрагментарным мусором.

МАКС. Это был фрагментарный мусор гения.

КАФКА. Я не понимаю, как ты мог такое подумать.

МАКС. Я узнаю гения, когда сталкиваюсь с ним. И такого не было никогда, до встречи с тобой. Давай будем предельно честными. Я – не гений. Я вижу, что ты не выпрыгиваешь из штанов, пытаясь убедить меня в обратном. И это правильно. Писатель должен научиться смотреть на все незамутненным взглядом, особенно, когда смотрит в зеркало. Я достаточно способный писатель, знаю, как рассказать историю и умею себя продвигать. Ты – совсем другой. У тебя прямой выход на какое-то место, куда мне не добраться никогда. Я бы отдал все за такой дар. Возможно, даже убил.

КАФКА. Меня тебе убивать не придется. Бог позаботится об этом в самом скором времени.

МАКС. Не говори так. Не нужно давать ему такие идеи. Бог с идеями – очень опасный зверь. Пообещай мне, что отныне ты ничего не будешь бросать в огонь. Отдавай мне. Я сочту за честь быть твоей личной мусорной корзиной.

КАФКА. Макс, эта одержимость спасти все сделает тебя несчастным, как и стремление уложить в постель каждую женщину в пределах досягаемости.

МАКС. Ничего не могу с собой поделать. Я родился с искривлением позвоночника и мать отвезла меня к колдуну в Черный лес, который год продержал меня в лошадиной упряжи. И освободился я от нее с твердой решимостью стать знаменитым писателем и переспать с максимальным количеством женщин. И только прочитав твои работы я понял, как жестоко заблуждался насчет уровня своего писательства. Но даже показав, какая я посредственность, твоя работа вселяет в меня надежду.

КАФКА. Все было написано в абсолютном отчаянии.

МАКС. Да. Именно поэтому.

КАФКА. Ты – хороший писатель. И вознаграждения за книги тебе практически хватает на жизнь, чего я о себе сказать не могу. И у тебя гораздо более успешная любовная жизнь. Половая жизнь. Называй, как хочешь, но у тебя ее гораздо больше, чем у меня.

МАКС. Я знаю, сколько у меня недостатков. Я компенсирую кривую спину и посредственность работы тем, что сплю с женщинами, самыми разными. Верности во мне ни на грош, зато ревности выше крыши. Я способен тонко чувствовать, но обычно, не дольше пяти минут, за исключением негодования, которое всегда со мной. Я могу быть неуверенным в себе, обидчивым, легкомысленным... Даже веролом-

ным, иногда. Но клянусь, тебе я буду верен всегда. Это более важно, чем мои жалкие тщеславие и честолюбие. Я сберегу все, что ты пишешь, каждую почтовую открытку, каждый обрывок бумаги.

КАФКА. Из всего этого получится большой костер. Мои блокноты будут гореть долго.

МАКС. У меня леденеет кровь, когда я слышу такие твои разговоры. Ты уже сжег так много того, что я мог бы сохранить. Ты не имеешь право уничтожать свою работу.

КАФКА. Если не уничтожу я, то кто?

МАКС. Все уничтожат. Люди такие идиоты. Они не знают, что у них на руках, пока кто-то им не скажет. И это моя работа.

КАФКА. После моей смерти все это не будет иметь никакого значения.

МАКС. Не говори так. Сегодня тебе гораздо лучше. Ты лишь иногда бредишь, от температуры.

КАФКА. Если и лучше, то ненадолго. Послушай, Макс. Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

МАКС. Конечно. Все, что захочешь.

КАФКА. Пообещай, что после моей смерти ты это сожжешь. Сожжешь все.

МАКС. Ты шутишь.

КАФКА. Когда я шучу, люди думают, что я говорю серьезно. Сейчас я говорю серьезно, а ты думаешь, что я шучу. Я хочу, чтобы ты сжег все. Каждый листок бумаги, который

сможешь найти. Не читай написанного. Просто сожги.

МАКС. Не можешь ты говорить серьезно.

КАФКА. На пороге смерти я не могу говорить по-другому. Ты – мой самый близкий друг, и я обращаюсь к тебе с последней просьбой. Пообещай мне, что после моей смерти ты уничтожишь все.

МАКС. Я могу солгать?

КАФКА. Кто тебя остановит?

МАКС. Почему у человека возникает сознательное желания уничтожить то, что он создавал всю жизнь?

КАФКА. Я ничего не создавал. Я только слушал и записывал фрагменты, которые что-то нашептывало у меня в голове.

МАКС. Но ты так ценишь писательство. Оно – сердцевина твоей жизни.

КАФКА. Я ценю сам процесс, но не конечный результат. Точно также мы едим, чтобы жить, но не сберегаем экскременты.

МАКС. Работа твоей жизни – не экскременты.

КАФКА. Какая-то ее часть. Но, хорошая или плохая, в любом случае она будет уничтожена достаточно скоро. Солнце взорвется. Бог пожрет нас. Бог вечно голоден. Он живет на чердаке и ночи напролет катает взад-вперед артиллерийские ядра, как навозный жук. Так ты сделаешь это для меня?

МАКС. Ты не можешь просить меня уничтожить работу всей твоей жизни. Придет день, когда ты станешь знамени-

тым.

КАФКА. И какая мне будет от этого польза после смерти? Единственный шанс на искупление грехов – быть полностью забытым.

МАКС. Я понятия не имею, о чем ты.

КАФКА. Именно поэтому ты станешь превосходным исполнителем литературного завещания. Это из рассказа, который я писал, о певчей мыши. Конечно, то, что она делает больше похоже на пискотню и визжание, но для мыши – это оперное пение. Я читал его козе хозяйки моего пансиона, и рассказ так ей нравился, что она неоднократно пыталась его съесть. Сожги его вместе с остальным.

МАКС. Я отказываюсь верить, что ты действительно этого хочешь.

КАФКА. Макс, если ты не веришь, твою душу не спасти.

МАКС. А во что веришь ты?

КАФКА. Ни во что.

(ПЕВЧАЯ МЫШЬ поет финальную часть «О мио бамбино каро»).

«Блюмфельд, старый холостяк»

(КАФКА переходит в глубину сцены, садится за маленький столик и пишет. К МАКСУ присоединяется БЛЮМФЕЛЬД, неопрятного вида адвокат, пьет).

БЛЮМФЕЛЬД. Это ужасно, умереть таким молодым.

МАКС. Да.

БЛЮМФЕЛЬД. И это разбило вам сердце. Ваш самый близкий друг.

МАКС. Да.

БЛЮМФЕЛЬД. Более странного человека я не встречал. Снаружи самый что ни на есть обыкновенный. Но внутри. Срань господня. Что там творилось? Человек просыпается и обнаруживает, что прекратился в таракана. Что это, черт побери?

МАКС. Метаморфоза. И это не таракан. Это гигантское насекомое. Оно могло быть и тараканом. Но, скорее, это какой-то жук. Как булавник. Или нечто среднее между сороконожкой и навозным жуком.

БЛЮМФЕЛЬД. Что ж, более здраво.

МАКС. Написанное Кафкой логичным объяснениям не поддается. Его тексты – не о здравом смысле.

БЛЮМФЕЛЬД. Тогда о чем же?

МАКС. Ни о чем. Это ЧТО-ТО.

БЛЮМФЕЛЬД. Но что же?

МАКС. Я не знаю. Полной уверенности нет. В этом весь смысл.

БЛЮМФЕЛЬД. То есть смысл все-таки есть?

МАКС. Нет.

БЛЮМФЕЛЬД. Это уже что-то. Опять же, я огорчен из-за ребенка.

МАКС. Какого ребенка.

БЛЮМФЕЛЬД. Ребенка Кафки. Меня тревожит, что с ним теперь будет.

МАКС. Детей у Кафки не было. Он так и не женился.

БЛЮМФЕЛЬД. И кого это останавливало?

МАКС. Поверьте мне. Не было у него ребенка.

БЛЮМФЕЛЬД. Он вам не сказал? Я несколько не сомневался, что вы в курсе. Вы – его ближайший друг и не знали? Извините.

МАКС. Кто распространяет эту ложь? Какая-то полоумная?

БЛЮМФЕЛЬД. Мне сказала мать ребенка. Очень милая девушка. Добропорядочная девушка. К которой он питал глубокие чувства. Она обратилась ко мне за юридической помощью и под большим секретом рассказала, что родила ребенка от Кафки. Почему вы так удивлены? Он не жаловал девушек?

МАКС. Если бы он зачал ребенка, будьте уверены, я бы

об этом знал.

БЛЮМФЕЛЬД. Не следовало мне этого говорить. С моей стороны это непрофессионально. Я пью слишком много. И, возможно, все это чушь. В конце концов, все чушь. (*Поднимает стакан*). За чушь! (*Допивает содержимое стакана*). Мне нужно быть где-то еще. Я забыл где, но уверен, что уже опаздываю. Я всегда опаздываю. Я – ужасный адвокат, и моя личная жизнь – полнейшая катастрофа. Я никого не люблю. Никто не любит меня. Все мое существование пропахло дешевым алкоголем и нафталиновыми шариками. Полагаю, я мог бы завести собаку, но у собак блохи, они воняют и везде срут. И хуже всего, они тебя любят. Кто может такое вытерпеть? Хотя, буду справедливым, собакам тоже не нравится мой запах. И я уже двенадцать лет не могу выспаться. А когда мне удастся напиться до бесчувствия, я вижу жуткие сны. Прешлой ночью мне приснилось, что мои яйца выскользнули из мошонки, скатились на пол и принялись прыгать по полу, как пара резиновых мячей, в которые вселился дьявол. Одиночество сводит человека с ума, но и другие люди тоже. Особенно женщины. Господи, как мне нужна женщина. Этот Кафка – удачливый сукин сын. За исключением того, что он мертв. У меня нет жены. Нет детей. Нет собаки. А вот блохи есть. И мне вставать в такую рань, чтобы успеть на утренний поезд в Польшу.

ОТЛЛА (*с грустью смотрит на них*). Поезд отходит от станции.

БЛЮМФЕЛЬД. Если только я не решусь повеситься еще раньше. Забудьте сказанное мною о ребенке. Считайте, что у меня галлюцинации. Такое со мной не впервые. Будете допивать свой стакан?

МАКС. Нет.

БЛЮМФЕЛЬД. Это грех, оставлять хорошую выпивку. Любую выпивку. (*Допивает стакан МАКСА*). Ах. Чертов алкоголь.

МАКС. Это какая-то ошибка.

БЛЮМФЕЛЬД. Как сказала Ева Богу, когда увидела пеннис Адама. (*Встает и поворачивается, чтобы уйти*). Остерегайтесь однорукого пианиста. Он обчистит ваши карманы другой рукой.

МАКС. Я в это не верю. Где этот ребенок? Кто его мать?

БЛЮМФЕЛЬД. Я пьян. И я нарушил конфиденциальность отношений адвоката с клиентом. Может, мне действительно лучше повеситься. Последняя услуга коллегии адвокатов. Интересно, хватит ли мне веревки. (*Уходит*).

МАКС. Блумфельд. Подождите. (*Смотрит ему вслед*). Не может это быть правдой. Я уверен, он бы мне сказал.

КАФКА. Моя жизнь слеплена из незаконченных дел, неотвеченных вопросов, стыда и сожалений.

МАКС. Конечно, вполне возможно, что он не говорил мне все.

КАФКА. Как бы отчаянно я ни хочу закончить начатое, что-то во мне знает, только незаконченное произведение ис-

кусства обладает прямотой и честностью.

МАКС. Но в столь важном деле, я уверен, он обратился бы ко мне за советом.

КАФКА. Если бы существовало полное собрание сочинений Сафо, для сохранения ее репутации потребовалось бы уничтожить все, за исключением нескольких фрагментов.

МАКС. Я был его самым близким другом.

КАФКА. Это живущий во мне творец подрывает мои отношения с другими людьми. Или другие люди всеми силами стремятся помешать мне творить? Ничего не дается мне легко, все вплетено в сложную паутину ассоциаций, связанную со всем остальным, и я теряюсь в этом лабиринте.

МАКС. У него были близкие отношения с несколькими женщинами. Которая из них могла стать матерью его ребенка?

ФЕЛИЦА (*смотрит на КАФКУ из другого места и времени*). Мы сидели на стволе дерева. Он обнимал меня и обнюхивал мою шею. Почему он обнюхивал мою шею? Какой мужчина станет обнюхивать шею?

КАФКА. От нее пахло солеными яблоками. Правда только во фрагментах.

МАКС (*смотрит через сцену на ФЕЛИЦУ*). Фелица?

ФЕЛИЦА. Если хочешь, я поеду с тобой в Мариенбад.

КАФКА. Я человек, целиком сложенный из фрагментов. Я человек, который исчез.

МАКС. Должно быть, Фелица.

(Встает и уходит).

Письма к Фелице

(Свет гаснет в кафе, но по-прежнему падает на КАФКУ. Другой фонарь освещает ФЕЛИЦУ, так что каждый из них в своем круге света на темной сцене).

КАФКА. Почему вы так долго не отвечали на мои письма.

ФЕЛИЦА. Мне нравятся ваши письма. Но иногда я их не понимаю. А бывает, если честно, они заставляют немного бояться вас.

КАФКА. Меня? Никто меня не боится? Почему вы боитесь меня?

ФЕЛИЦА. Не верится мне, что я единственная, кто находит вас немного странным. Вероятно, поэтому, вы такой одинокий.

КАФКА. Я не одинок. Вы здесь.

ФЕЛИЦА. Только в вашей голове. Я – в Берлине, вы – в Праге, и написали мне множество очень длинных, достаточно странных писем, а видимся мы крайне редко. А когда видимся... Я не знаю, как это объяснить. Наши отношения, если их можно так назвать, кажутся нереальными.

КАФКА. Тогда мы превратим их в реальные. Я приеду к там. Или вы приедете ко мне.

ФЕЛИЦА. Не уверена, что это хорошая идея. Может, рас-

стояние между нами необходимо?

КАФКА. Необходимо для чего? Вы боитесь остаться со мной наедине? И что, по-твоему, я вам сделаю?

ФЕЛИЦА. Не знаю. Ничего.

КАФКА. То есть вы боитесь, что я ничего не сделаю.

ФЕЛИЦА. Я думаю, нам нужно получше узнать друг дружку.

КАФКА. Вы думаете, нам нужно получше узнать друг дружку до того, как я приеду и ничего с вами не сделаю. Хорошо. Отлично. Но в этом случае мне нужны подробности.

ФЕЛИЦА. Какие подробности?

КАФКА. Что вы ели на завтрак? Кто ваши подруги? Что вы делаете на работе? Где сидите? Какой у вас стул? Он с подлокотниками? Ножки в форме лап животных?

ФЕЛИЦА. Почему вам нужно знать, какие ножки у моего стула?

КАФКА. Потому что я хочу знать о вас все.

ФЕЛИЦА. Но почему вы спрашиваете о мебели? А как же мои чувства?

КАФКА. Да, чувства – это прекрасно, но самое важное – подробности.

ФЕЛИЦА. Вас не волнуют мои чувства?

КАФКА. Меня волнуют ваши чувства. Но мне нужны подробности. Как мне понять ваши чувства, не располагая подробностями? С какой стороны ручка двери вашей спальни?

ФЕЛИЦА. Ручка?

КАФКА. Ручка двери вашей спальни справа или слева?

ФЕЛИЦА. С обеих сторон. Одна снаружи, другая – внутри. Разве в Праге нет дверных ручек?

КАФКА. Нет, я о другом. Когда вы хотите открыть дверь спальни, ручка справа от вас или слева? Разумеется, если она справа, когда вам нужно войти, то будет слева, когда вы выходите, или, если она слева...

ФЕЛИЦА. Да какая разница в том, где ручка?

КАФКА. Разница есть, когда вам нужно войти в спальню.

ФЕЛИЦА. Вы хотите войти в мою спальню?

КАФКА. Как я могу войти в вашу спальню, если не знаю, где ручка?

ФЕЛИЦА. Вы ее увидите, когда подойдете к двери.

КАФКА. Но я не в Берлине. Следовательно, не могу увидеть. Вот почему мне нужно знать. Чтобы я смог найти ручку. Как выглядит ваша кухня? Где стол? Сколько стульев? Сколько лет вашей собаке? У вас есть собака? Сколько у вас зубов?

ФЕЛИЦА. Зубов? Вас интересуют мои зубы?

КАФКА. У вас есть зубы?

ФЕЛИЦА. Разумеется, у меня есть зубы. Вы видели мои зубы.

КАФКА. Я видел вас считанные мгновения, и вы никогда не улыбались.

ФЕЛИЦА. Поверьте мне. Зубы у меня есть.

КАФКА. Хорошо. Это уже что-то. Так сколько у вас зу-

бов?

ФЕЛИЦА. Не знаю. Никогда их не считала.

КАФКА. Вы никогда не считали ваши зубы? Они у вас во рту, и вы никогда их не считали?

ФЕЛИЦА. Вы считали свои зубы?

КАФКА. Я пересчитываю их каждый вечер. Как я могу доверять женщине, которая не считает свои зубы?

ФЕЛИЦА. Как я могу доверять мужчине, который хочет, чтобы я пересчитывала свои зубы?

КАФКА. Вы должны прислать мне больше фотографий.

ФЕЛИЦА. Чего? Дверных ручек? Или моих зубов? Может вы хотите увидеть на фотографии, как я кусаю дверную ручку?

КАФКА. Не думаю, что кусать дверные ручки – хорошая идея. Вашим зубам пользы от этого не будет. И дверным ручкам тоже. Но вы должны сосчитать их и сказать мне, сколько их у вас. Я про зубы. И ручки тоже. И сфотографировать дверные ручки, ваш дом, вашу комнату, ваши зубы, зубы вашей собаки, все. И побольше ваших фотографий, в разных ракурсах.

ФЕЛИЦА. Не могу я постоянно фотографироваться. Кто так себя ведет? Люди подумают, что я безумна.

КАФКА. Не понимаю, почему фотографируя себя, человек в глазах других выглядит более безумным, чем фотографируя дверные ручки.

ФЕЛИЦА. Я не фотографирую мои дверные ручки. И за-

чем вам столько фотографий?

КАФКА. Чтобы я мог изучить ваше лицо.

ФЕЛИЦА. Вы сможете изучить мое лицо, когда приедете сюда.

КАФКА. Но по приезде я не хочу все время всматриваться в ваше лицо. Это покажется вам неприличным.

ФЕЛИЦА. То есть вы хотите приехать в Берлин и не смотреть на мое лицо? А куда будете смотреть? На дверные ручки? Вы хотите проделать такой долгий путь, от Праги до Берлина, и смотреть на мои дверные ручки? Не думаю, что это идет мужчине на пользу, проявлять такой неистовый интерес к фотографиям.

КАФКА. Нет у меня неистового интереса к фотографиям. У меня неистовый интерес к реальности.

ФЕЛИЦА. Фотографии – не реальность.

КАФКА. Тогда у меня неистовый интерес к тому, чем можно заменить реальность.

ФЕЛИЦА. Но почему вы обращаетесь ко мне? Я-то реальная.

КАФКА. Вы уверены? Потому что по собственному опыту я знаю, чем больше ты увлекаешься другим человеком, тем менее реальным он становится.

ФЕЛИЦА. То есть вы хотите, чтобы я ушла?

КАФКА. Но вас здесь нет. Как вы можете уйти, если вас здесь нет?

ФЕЛИЦА. Вот так.

(Свет, падающий на ФЕЛИЦУ резко гаснет).

КАФКА. Фелица? Не уходите. Вы еще не описали мне ваши дверные ручки. Женщины такие странные. Хотя мне все это, возможно, снится. Или я это пишу, а писательство во многом, как сон, только на пальцах остается больше чернил. Мне нужно написать что-то и попять, проснись ли я.

Дверные ручки и проблема зла

(ФЕЛИЦА и МАКС с кафе).

ФЕЛИЦА. Я не знаю, что с ним делать. Он безумный?

МАКС. Он не безумный.

ЖЮЛИ (*комментирует откуда-то*). Он немного безумный.

ФЕЛИЦА. Я никогда не знаю, шутит он или нет. У него маниакальная страсть к подробностям.

МИЛЕНА (*комментирует откуда-то*). К женщинам он может подходить только боком, как краб.

ФЕЛИЦА. Он одержим съеденным мною на завтрак и точным расположением моих дверных ручек.

МАКС. Нормальность можно найти везде. Если бы я мог писать, как он, меня бы не волновало, насколько я выгляжу странным. Поверь мне, тебе очень повезло, что тебя любит такой человек.

ФЕЛИЦА. Он меня любит? Он тебе это сказал? Он сказал, я люблю Фелицу Бауэр?

МАКС. Таких слов я от него не слышал. Так прямо он никогда ничего не говорит. Но он написал тебе сотни писем, правильно?

ФЕЛИЦА. Это может означать, что он любит писать пись-

ма. Я не уверена, что для него важно, кому он их пишет.

МАКС. Он все пропускает через писательство. Непроизвольно и в одиночестве.

ФЕЛИЦА. Если ему нужно одиночество, чего он хочет от меня?

МАКС. Когда он один, ему необходима компания.

ФЕЛИЦА. Но как я могу составлять ему компанию, если меня там нет?

ГРЕТА (*комментируя откуда-то*). Я должна тебе кое-что сказать.

МАКС. Не так-то легко объяснить его отношения с другими людьми. Однажды мы пытались вместе написать книгу. Для него это было так болезненно. Он совершенно не способен на совместную работу. Посредственность для него неприемлема. Вызывает у него физическую боль. Тот факт, что он тратит так много времени на письма к тебе вместо того, чтобы делать что-то важное, прямо указывает, насколько ты ему небезразлична.

ФЕЛИЦА. Так он хочет только этого? Продолжать писать мне письма?

МАКС. Я не знаю, чего он хочет. Прояви терпение. Ты ему нужна.

ФЕЛИЦА. Не уверена я, что ему кто-то нужен. Я думаю, он будет счастлив, разговаривая с моими дверными ручками.

ДОРА (*комментируя откуда-то еще*). Мне нравилось, что он обращал столь пристальное внимание на мелочи, ко-

торые другие игнорировали. В этом было что-то мистическое, словно он чувствовал, что Бог везде оставлял какие-то зацепки.

МАКС. Это одержимость подробностями, думаю, была для него поиском Бога.

ФЕЛИЦА. Что ж, он не найдет Его в моих дверных ручках.

ДОРА. В свои последние месяцы он читал Каббалу. Думаю, тот еврейский актер сумел его заинтересовать.

ЛОУВИ. Бог – все, в чем он есть, но также и все, в чем его нет. Он сам существует, но при этом и не существует. Он там, где он есть, и там, где его нет.

КАФКА. Я не понимаю.

ЛОУВИ. Это хорошее начало. Вы можете объяснить Бога только через то, чем он не является, и то, что он есть, это не все. Он все и также ничто. Вы не можете стать Богом, но Бог может стать вами.

КАФКА. А проблема зла?

ЛОУВИ. Демоническое укоренено в божественном. Откуда еще ему взяться? Нет ничего, кроме Бога.

КАФКА. Который ничто.

ЛОУВИ. Именно.

КАФКА. То есть все – это ничто?

ЛОУВИ. За исключением тех случаев, когда нет. У вас есть сыр? Швейцарский – самый лучший из сыров, потому что Бог живет в дырах.

ФЕЛИЦА. Он упоминал о том, что приводил домой семью еврейских актеров, что театр для них был мистическим обрядом, точно так же, как для него писательство – формой молитвы.

Фрагментарный лабиринт

(КАФКА и ФЕЛИЦАЮ гуляют).

КАФКА. Я зачарован актерами еврейского театра. Они проживают жизнь, как персонажи пьесы. А кроме того, сводят моего отца с ума. Однажды он пришел домой и обнаружил одного, спящим на пианино. Мой отец думает, что я безумен, потому что большую часть ночи я пишу. Я работаю над несколькими произведениями сразу. Пишу на всем, что попадает под руку. Отрывки различных разбросаны по разным блокнотам. Я пишу с обеих концов блокнота идвигаюсь к середине. Я вырываю страницы и складываю маленькими стопками. Я пишу названия глав на обрывках бумаги или на обратной стороне листов с написанным ранее, и переносу их из одной стопки в другую. Это хаос, в котором я работаю. Но это необходимо для поддержания связи с демоном, который шепчет у меня в голове. Если оборвется эта связь, все будет потеряно.

ФЕЛИЦА. У тебя в голове шепчет демон?

КАФКА. В хорошие ночи, да.

ФЕЛИЦА. Это самый беспорядочный рабочий процесс, который только можно себе представить.

КАФКА. Иначе я работать не умею. Не могу насаждать

порядок. Способен только открывать его. В попытке насаждать порядок ты убиваешь то, что существовало до него, а именно об этом и можно писать.

ФЕЛИЦА. Лично мне нравится то, что имеет смысл.

КАФКА. Ничего не имеет смысла.

ФЕЛИЦА. Что-то имеет. Хотя я осознаю, что говорю с мужчиной, которому во мне прежде всего интересно расположение моих дверных ручек.

КАФКА. Теперь у меня достаточно полное представление о расположении твоих дверных ручек. Но не совсем ясно, как они выглядят. Это стеклянные дверные ручки? Они гладкие или с желобками?

ФЕЛИЦА. Франц, речь не о дверных ручках.

КАФКА. Да, о подробностях. Бога в обобщениях не найти. Даже такого. Требуется всматриваться во все с максимальным вниманием к мелочам, словно ты хочешь это нарисовать. Все – чудо. Все – тайна, записанная шифром, но мы потеряли книгу кодов, вот я и слушаю демона в моей голове в попытке восстановить ее. Ты строишь из фрагментов, складывая их, как пазл. Все равно, что движешься по разрушенному лабиринту. Тропа, проложенная нами сквозь руины создает лабиринт.

ФЕЛИЦА. Я думала, что буду лучше тебя понимать, проводя с тобой больше времени, но чем больше я слышу, тем меньше понимаю и тревога только нарастает. Мне нужен мужчина, которому я могу доверять.

КАФКА. Если ты ждешь мужчину, которому можешь доверять, тебе лучше почитать книги. А если такой мужчина и есть, сможешь ли ты быть в этом уверена? Люди не такие, какими кажутся. Мои любимые персонажи в романах те, что остаются за кадром. К персонажам нужно относиться предельно уважительно, даже к третьестепенным, потому что персонажи опасны. Они могут проскользнуть в дом глубокой ночью и убить тебя в постели. Что может оказаться в них самым привлекательным.

ФЕЛИЦА. Ты хочешь умереть? Это ты мне говоришь?

КАФКА. Когда я был здоров, время от времени я подумывал о самоубийстве. Теперь, когда я умираю, обнаружилось, что на самом деле я хочу жить. Не удивительно, что Бог так сердит на нас. Но он сам виноват. Бог – писатель ужасный. Хотя могу сказать в его защиту, это трудно, писать, когда ты мертв.

ФЕЛИЦА. Ты умираешь?

КАФКА. Это история, над которой я работаю. Я дам тебе знать, чем она закончится. А пока, когда придешь домой, сосчитай дверные ручки, чтобы я знал, сколько их у тебя.

ФЕЛИЦА. Я уже пересчитала все дверные ручки в моем доме.

КАФКА. Да, но ты могла ошибиться. Или кто-то мог украсть одну. Или они могли размножиться, пока ты отсутствовала. Я не могу жениться, не зная точного количества дверных ручек в доме моей будущей жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.